

«Москва, 1918 год. 1 января (ст. стиля).

Кончился этот проклятый год. Но что дальше? Может, нечто еще более ужасное. Даже наверное так.

А кругом нечто поразительное: почти все почему-то необыкновенно веселы, — кого ни встретишь на улице, просто сияние от лица исходит:

— Да полно вам, батенька! Через две-три недели самому же со-вестно будет...

Бодро с веселой нежностью (от сожаления ко мне, глупому) тиснет руку и бежит дальше».

Так начинается книга Ивана Бунина «Окаянные дни». В принципе, даже этих нескольких строк было бы, наверное, достаточно, чтобы выразить всю гамму бунинских чувств, эмоций, суждений относительно «глобально-исторического» 1917 года. Неудивительно, что советская публика (за очень-очень редкими исключениями) этих мемуаров не знала. Любители классики упоенно зачитывались «Темными аллеями», эстетствующие декаденты к месту и не к месту декламировали: «Что ж! Камин затоплю, буду пить... Хорошо бы собаку купить», а все вместе охотно признавали, что «Жизнь Арсеньева» — это именно то произведение, за которое впору присудить любую международную премию, включая, разумеется, Нобелевскую.

Дай им в те, сравнительно безмятежные, годы в руки «Окаянные дни», они, пожалуй, дружно восприняли бы их как вздорное брюзжание типичного старорежимного аристократа, этакое слабое эхо отжившего мира, который никогда и ни при каких условиях не вернется. И действительно, тот мир, который Бунин отнюдь не идеализировал, в коем, однако, находил некоторые черты гармонии, порядка и справедливости, не вернулся.

На смену «развитому социализму» в результате социальных потрясений 1980-х–1990-х пришел

дико-недоразвитый капитализм, условному гражданскому и имущественному равенству — чудовищная пропасть между новообразованными, скороспелыми кастами. И что? Оглядываясь на революционную (в широком смысле) ситуацию конца XX века, можно ли сказать, что предостережения Ивана Алексеевича перестали на тот момент быть верными, злободневными?

Как не вспомнить веселую эйфорию столичной интеллигенции в «проклятом» 1991-м и в предшествующие годы. Ее (если б только ее!) «внезапные» нужды и бедствия в «лихие девяностые», последующее «лечение голоданием» и постепенное возвращение к более-менее здравому восприятию действительности...

И право же, при всем при том нам есть за что благодарить Провидение: Россия не скатилась в крошечный ад братоубийственной бойни. Который закономерно предчувствовал в самом начале 1918-го Иван Бунин.

В который совсем недавно ухнула задорно прыгавшая на своем майдане соседка и близкая родственница Украина. Ведь, казалось бы, ничто не предвещало беды. Ну, кричали: «Москаляку — на гиляку!» — эка невидаль. Разве могли они знать прошлой зимой, во что выльются через считанные месяцы их ужимки и прыжки...

«8 февраля.

Андрей (слуга брата Юлия) все больше шалет, даже страшно.

Служит чуть не двадцать лет и всегда был неизменно прост, мил, разумен, вежлив, сердечен к нам. Теперь точно с ума съехал. Служит еще аккуратно, но, видно, уже через силу, не может глядеть на нас, уклоняется от разговоров с нами, весь внутренне дрожит от злости, когда же не выдерживает молчанья, отрывисто несет какую-то загадочную чепуху.

Нынче утром, когда мы были у Юлия, Н. Н. говорил, как всегда, о том, что все пропало, что Россия летит в пропасть. У Андрея,

«Легкое дыхание Ивана Бунина». Документальный фильм. 2014